

Анфим Игнатъевич Пономарев

«Меня поняли как работягу»

От великомученика Пономарева Анфима Игнатъевича 1909 г. рождения, проживающего в городе Берёзовский Кемеровской обл. по улице Куйбышева, д. 16.

Первоначальное намерение публикатора адекватно перевести рукопись рабочего Анфима Игнатъевича Пономарева (1909–1994) в печатный текст натолкнулось на непреодолимые трудности – в данном случае неадекватным оказалось само понятие адекватности. Автор, уроженец, по-видимому, нынешней Кемеровской области (до 1925 года входила в Томскую губернию), владел лишь самыми элементарными навыками грамоты, и для нас главной помехой явилась почти полная графическая нерелевантность его текста. На письме строчные буквы неотличимы от прописных, расстояние между буквами варьируется, так что порой слова сливаются, а порой произвольно делятся на части, многие слова не дописаны или неразборчивы, точки и запяты часто похожи на случайные штрихи. Чтобы обеспечить коммуникативность документа, доступность его читателю, было решено, не нарушая своеобразия речевой манеры Пономарева, синтаксически обработать текст, снабдив его пунктуационными знаками. Что же касается лексики, ее мы старались сохранить в нетронутом виде со всеми ее диалектными, местными и индивидуальными особенностями. Фотокопия тетрадного листа из воспоминаний Пономарева, помещенная на с. 384, даст читателю возможность составить живое представление о подлинном характере этого документа.

Я родился в большой трудолюбивой состоятельной и самостоятельной семье. Нас было семь братьев; нас грамоте не учили, семья была старого обряда <нрзб> бога. Старший погиб в I мировую в 1916 г., остальные все подрастали да отцу богатство наживали; отец меня направил в город Тайга учеником в кожзавод, я там проработал 2 года, в это время отца не стало. Злые люди из-за зависти его убили; мачеха стала тянуть себе, старшие братья себе, растянули все хозяйство, стали бедные и беспомощные. Мачеха всех разогнала, я остался один пасынок; она дает денег, покупаем оборудование [для] кожзавода, перевозим его в деревню, оборудуем – и открываем завод по выработке кож на юфть.

Дело пошло бы, но тут помешало одно но: ехала с района комиссия закрыть завод в Нефонтово¹, 1928 г., зашли в наш Сельсовет, говорят, что мы едем по закрытию кожзавода. Кто-то проговорился, а [про наш] кожзавод... они про него не знали, тут же пришли и закрыли, дали сроку один месяц. Тут мы с мамашей загоревали, как быть и жить дальше, за что взяться, как заработать на пропитание. Она находит выход – женит меня на дочери техника, который строил мосты и ремонтировал дороги. Тот меня берет к себе рабочим-плотником, в 1929 г. техника направляют в Горношорию² строить мосты от села Кондома до Бийска. Строим мосты на Кайвале,

¹ Населенный пункт на карте не найден.

² Горная Шория.

Слева направо стоят: Александр Куприянович Чикуров, Анфим Игнатьевич Пономарев. Сидят: Наталья Федоровна Чикурова (Косых) – теща Пономарева, ее дочь Екатерина – жена Пономарева, Куприян Андреевич Чикуров – тесть Пономарева (прошел две мировые войны; во Второй командовал орудием, вернулся израненный, без глаза), Лариса Степановна Чикурова (Фесюкова) (прошла всю войну), ее муж Григорий Куприянович Чикуров (расстрелян в 1938 году как враг народа). На переднем плане младший сын Куприяна Андреевича Федор (прошел всю войну в разведке). На фото нет сына Куприяна Андреевича Георгия (был летчиком, летал на истребителе, в июле 1942 года пропал без вести). Кемерово, ок. 1935

Антропе и Ушлете³. В 1930 г. началась коллективизация, меня тесть направляет домой, дает рекомендацию [к] брату его в Кемерово.

Я приезжаю домой, забираю жену, едем в Кемерово, устраиваюсь плотником в горкомхоз, там работали два плотника финны, американские

³ Населенный пункт на карте не найден.

эмигранты. Они присмотрелись ко мне, взяли меня в подручные к себе, изготавливали лодки весловые и моторные, у них я понял, как надо работать плотнику. Они меня уговорили поехать в Петрозаводск, Карельская ССР, там строили жилье, а к осени 1930 г. Финляндия готовилась к войне. Стали забрасывать через Онежское озеро своих людей, привезут на пароходе к берегу, высадят в плохую лодку, они добирались кто как может на берег, наши их принимали, они себя рекомендовали – мы коммунисты, нас разоблачили, мы бежали в Советский Союз кто как мог.

Стало их множество, все они работали, пойдешь в столовую покушать, из них в очереди встанет один, за ним великое множество⁴. Стоишь, стоишь, идешь на работу, не покушал. Это продолжалось

⁴ В 20-х – начале 30-х годов в Карелии (Автономную Карельскую ССР) действительно перебралось довольно много финнов, в том числе из США и Канады. Часть из них – «красные финны» (участники гражданской войны 1918 года в Финляндии), часть – экономические мигранты, часть – поверившие в пропаганду о счастливой жизни финнов и карелов в СССР. Некоторых заподозренных в симпатиях к коммунистам выгоняли из Финляндии на советскую территорию. Отношения с русскими и карельским населением у мигрантов складывались по-разному. Были случаи, например, когда руководители предприятий при приеме на работу оказывали предпочтение финнам – иногда по причине национальной общности, иногда отдавая должное их более высокой квалификации и дисциплинированности; может быть, имелись и политические причины. Возможно, в воспоминаниях Пономарева, помимо чисто бытовых межнациональных дряб, отразилось и насаждавшееся мнение о финнах как о предателях в оправдание проводившихся против них репрессий – в 1937–1938 годах от общего числа репрессированных в Карелии финны составляли около 40%, при том что их доля среди населения была всего 2–3%. (Комментарий историка Андрея Бутвилло.)

с полмесяца, наши русские стали бежать с Петрозаводска, я тоже бежал. Прибыл в Кемерово [в] 1930 г.

30 октября устроился на строительство электростанций, работал плотником и бригадиром, в то же время ходил на курсы [по специальности] слесарь-монтажник паротрубопроводчик. Построили здание, начался монтаж котла, все мои товарищи, кто учился со мной, перешли на монтаж котла, а меня не пускает начальник, говорит: ты тут хорошо работаешь, вот смотри, когда понесут кипятильную трубу, тогда я тебя отпущу. Так он получил кипятильную, в котельную я занес. Янушевский сдержал свое слово, отпустил меня на монтаж котла. Монтажником я проработал полгода, товарищи мне помогли. Тут же на монтаже подручным газосварщика. Подручным я проработал всего 4 дня, мой мастер заболел, пошел в отпуск, я стал работать самостоятельно. Работа была такая – на первое время что-то отрезать, подогреть трубу, которая не подходила по месту. Так мы закончили монтаж первого котла, сдали в эксплуатацию. Переходим на второй котел. Мне работа понравилась, я со временем не считался, потому что нужно было квалифицироваться и понять хорошо сварочные дела, мне старые монтажники подсказывали, как надо работать, они меня полюбили за мое трудолюбие. Сдаем в эксплуатацию 2-й котел, меня берут в эксплуатацию этих котлов сварщиком. Работа шла хорошо, я стал равняться по зарплате со старыми рабочими высокой квалификации, еще я работал

в машинном отделении, у них не было своего сварщика, а работа свое требует, где что отрезать, сварить, подогреть.

Зарабатывал хорошо, купили себе дом, чтобы не тесниться по чужим квартирам, перешли в свою 1937 г. 14-го сентября. А 18 сентября меня забирают с работы, ведут в НКВД, там меня спросили фамилию, имя, отчество, год рождения, я ответил, меня отправили в спортзал. Открыли дверь, я стал на порог и держался за скобу, а там некуда было ступить ногой, нельзя было пролезть дальше. Простоял на пороге 10 или 15 [минут], там много было гресовских⁵, мне там сказали, что я в тот день 18-й сюда прибыл. Открывается дверь, меня с порога столкнули, и упал на народ. Кое-как поднялся, зачитывают людей на выход. Когда вывели людей 40 человек, освободилось место под столом, я забираюсь под стол и вроде бы отдыхаю, даже уснул от заботы.

На второй день вызывают по списку, попадаю и я, везут в Ягуновку, там 3 дома 16-квартирные обнесены забором и колючей проволокой. В Ягуновской тюрьме я пробыл до 12 октября 1937 г. Нас вызывают с вещами за ворота, мне жена передала 2 передачи – одеяло, матрас, подушку, продукты. Я и тут стал состоятельным.

Догнали до станции железнодорожной Кемерово, посадили в вагон, привезли в Мариинск 14 октября 1937 г., там нас высадили с вагонов,

⁵ Работников Кемеровской ГРЭС (государственной районной электростанции).

довели до распреда, объявили срок и статью 58, срок 10 лет, продержали нас в распреде двое суток. Насих вызывают на комиссию вроде бы врачебную. Но врачей не было, посмотрят, вроде бы здоров, упитан, не изморен. Набрали 173 человека, погнали прямой лесной дорогой на Тегульдетский тракт в село Николаевка. Ночью подогнали к церкви, чтобы ночевать в церкви, а у колхоза там было зерно пшеница. Пока привезли соломы, закрыли зерно соломой, впустили нас в церковь, там мы ночевали. Поутру следуем дальше, прогнали нас до деревни Рубино, там 2 шалаша из соломы, один большой, 2-й поменьше. Жулики, воришки – все в большой шалаш, [а нас] в маленький.

Немного отдохнули, приходит десятник, говорит: кто плотники, давай записывайся, будем знакомиться со строительством. Я записался третьим, меня тут же избрали бригадиром, дали карандаш и бумагу, подбирай себе бригаду. Набрал бригаду 20 человек плотников, 2 бригады плотников, землекопы, лесозаготовители и лесодоставщики. Землекопы копают котлован, 30 м длина, 12 ширина, 1 м глубина. Плотники обшивают стены, 2-я [бригада] нары и крышу. За 3 дня построили землянку, пошли дальше, на пути еще 2 таких землянки, для следующих этапов; в последней землянке нас догнал новокузнецкий этап в 200 человек, все поместились, ночевали вместе, места хватило всем.

Моя бригада выдалась лучшая на всех землянках. 3-го ноября 1937 г. нас пригнали в лагерь

Апкашево, который стоял на берегу реки Четь. Там до нас работали спецпереселенцы, раскулаченные во время коллективизаций, нам пришлось ихние домики стаскивать в лагерь и строить из них жилье общежития. 6-го ноября 1937 г. меня, со мной 20 человек плотников, отправили в районное село Тегульдет, которое стоит на берегу Чулыма. Мы там должны строить домики для жилья, всего было 14 объектов, а там до нас было 100 человек заключенных.

11-го ноября 1937 г. меня расконвоировали, я имел свободный выход без конвоя. Я работал десятником по строительству, возили с берега лес, приплавленный по реке Чулыму, копали колодцы. Люди работали на совесть за 900 г. хлеба и баланду. 1-го декабря 1937 г. шел этап, с Апкашева в Бобровку – это вверх по Чулыму от Тегульдета до Песчаной. Моих рабочих всех забрали с собой, строительство законсервировалось. Нас осталось 8 человек бесконвойных, я стал работать возчиком на лошади, мои обязанности стали такие – со склада привезти муку, развезти по хозяйкам, которые выпекали хлеб для лагеря Апкашева, собрать хлеб, привезти на базу, съездить на базу, привезти мясо, привезти воды и дрова. Когда возчики приезжали за грузом с Апкашева, говорили мне про все апкашевские ужасы, что людей умирало 18–20 человек каждый день; один возчик привез воз леса на плотбище, ему замаркировали и свалили лес, он сел на сани, поехал на конюшню и доро-

гой распрощался с белым светом. Лошадь стала неуправляемая, пошла в конюшню, в калитке застряла в упряжке вместе с санями, подходит конюх, заругался на него, толкнул его, он упал как сноп замертво, я кое-что верил и не верил, но на ус мотал.

18 февраля 1938 г. в 11 часов дня собрали нас и погнали в лагерь Апкашево, определили в бригаду на заготовку леса; мне дали напарника, который плохо шевелился заморенный, не было у него сил. Работали, вроде бы норму выполнили, а на завтра получаем пайку 400 грамм хлеба и никакого приварка. Я спросил бригадира, он меня оскорбил как мог, сказал, что у вас был короткий лес, он его забраковал, а в самом деле он наши кубометры записывал тем, кто не работал, дружки его. [Так] продолжалось несколько дней, а голодный человек пилу не потянет и топором сучок не отрубит, а тут поверки. Когда менялись дежурные стрелки, выгонят на поверку; счет не совпал у одного с другим стрелком, по новой выгоняют, и так продолжалось почти каждый день.

Стрелки были малограмотные, а бывало и так, что заключенный спрячется под нары, и тоже недочет, а остальных держат до часу ночи на морозе, а в 6 утра подъем. Встаем, позавтракаем и на работу; на вахте прочитают общую мораль (воспитательную), доходим до работы, начинает светать, до лесосеки расстояние около 5 километров. Бригада была отстающая, хорошего массива

по дороге почти равными делами (стрелки) ^{бывали}
лесовозов, а бывало так что заводили
с трактора померяли и там не дохнет а
остальным держит до часу ночи на морозе а
в 6 утра перед вставил по заправили и на ра-
боту на вахте прочитали общую меру (посчитали)
доходим до работы нечистая светом, делаются
рестораны около 5 километров бригаде была от
станции хорошо (делали) не делали отбавили
деланку где поужинать редкий сумо ботий.
Вот однажды пошел утром я просыпаюсь трясусь
рядом лежавшего он мертв а глаза бригады
а мне тащи его там где их складывают
я его вынес за вахту ночь февральская темная
я не увидел тропинку где надо было свернуть
открытая дверь в сени, а дежурный
кричит: что ты так долго. Я слышу в бараке жен-
ский разговор, поставил в сени мертвеца в угол,
сам скорей бежать на вахту, дежурный меня не
приметил; когда пошли на работу, на вахте нас
задержали – спрашивали, кто выносил покойника.
Я стоял, у меня по спине мурашки заходили, я не
признался, меня никто не выдал. Там жил стре-
лок семейный, его жена выпровожала на службу.
Когда он открыл дверь квартиры, стоит перед ним
человек. Стрелок до него дотронулся, покойник
свалился, упал, а мне наказания не было. Когда
выводили нас на работу, всё хотели узнать, кто же
надсмехался над ними, хотели отыграться, но не
удалось. Был дежурный по лагерю, звали его батя,
он был действительно батя. Если хлеборез не даст
ему булку хлеба, он хлебореза отправлял на повал
леса, ставил другого, так же и с поварами.

(деланки) не давали, отводили деланку, где похуже
лес, редкий, сучковатый.

Вот однажды подъем утром, я просыпаюсь,
трясусь рядом лежавшего, он мертв, я сказал бри-
гадиру, он мне: тащи его там, где их складывают;
я его вынес за вахту, ночь февральская, темная.
Я не увидел тропинку, где надо было свернуть, про-
шел дальше; открытая дверь в сени, а дежурный
кричит: что ты так долго. Я слышу в бараке жен-
ский разговор, поставил в сени мертвеца в угол,
сам скорей бежать на вахту, дежурный меня не
приметил; когда пошли на работу, на вахте нас
задержали – спрашивали, кто выносил покойника.
Я стоял, у меня по спине мурашки заходили, я не
признался, меня никто не выдал. Там жил стре-
лок семейный, его жена выпровожала на службу.
Когда он открыл дверь квартиры, стоит перед ним
человек. Стрелок до него дотронулся, покойник
свалился, упал, а мне наказания не было. Когда
выводили нас на работу, всё хотели узнать, кто же
надсмехался над ними, хотели отыграться, но не
удалось. Был дежурный по лагерю, звали его батя,
он был действительно батя. Если хлеборез не даст
ему булку хлеба, он хлебореза отправлял на повал
леса, ставил другого, так же и с поварами.

1-го марта 1938 г. меня переводят возчиком
на лесовывозку, причем бригадиром. Люди были
бессильные, слабые, а лошадям норма овса 8 кг.
Лошади овес не поедали, приходишь за лошадью
в конюшню, набираешь овса и грызешь его как

семечки. Тут я ожил. 1-го апреля 1938 г. приезжает с Томска какой-то уполномоченный, за невыполнение плана меня снимает с бригадира, назначает нового бригадира и в эту же ночь [отправляет] в Тазерачевскую⁶ подкомандировку⁷ на лесовозку. Приехали в 2 часа ночи, сдали лошадей конюхам; дали нам общежитие в бараке холодном неотапливаемом; растопили печь, а печь была из железной бочки. Я только улегся, а тут подъем, надо кормить людей. Мы не были поставлены на учет на кухне, бригада-то была моя, я должен их кормить. С завтраком запоздали, я получил баланду последним, прихожу в барак, стал кушать, вбегают начальник подкомандировки, выбивает у меня котелок с баландой⁸; разгляделся, что выбил котелок с баландой, видимо, у него проснулась совесть, повернулся и вышел. Он отбывал срок 10 лет за растрату.

За вторую половину марта нам дали зарплату, я получил 14 рублей. Нам было разрешено покупать пшеничную кашу, 20 ложек порция, привозили в лесосеку, когда кормили лошадей; а во что брать эту кашу, я вначале брал в шапку, потом нашел подходящий подкомелок⁹, стал его прибираться до следующего обеда. Это была моя кормушка, то есть

⁶ Населенный пункт на карте не найден.

⁷ Подкомандировка или командировка – временные лагерные подразделения для решения конкретных хозяйственных задач.

⁸ Очевидно, за то, что опоздал с выходом на работу.

⁹ Часть ствола дерева со стороны комля.

чашка. С апреля у нас жизнь пошла немного лучше, кто не работал, тех отправляли обратно в лагерь. Нахлебников не стало, остались одни труженики, бытовиков почти не было, одна 58-я, все труженики. Я работал на лошади, возил лес на плотбище. Там его связывали в сплотки по 45-50 кубов, чтобы после ледохода лес отправить по реке.

Когда кончилась вывозка – нас обратно в лагерь Апкашево 29 апреля 1938 г. Наступили праздничные дни 1 мая, нашу бригаду возчиков бесконвойных направили выводить лес в русло реки. 1 мая 1938 г. я иду и задумался, от бригады немножко отстал. Иду мимо пекарни, пекарь Рачупкин, наш, кемеровский, подозвал меня, говорит: Пономарев, помоги принести мешок муки. Я помог, он мне говорит: закрой склад, занеси ключи. Я закрыл склад, занес ему ключи, у него был хлеб, только что вытащенный из печи, накрытый простынею. Он положил мешок, раскрывает хлеб, а хлеб подовый, пшеничный, булка около 4 кг. Разрезает пополам и дает мне, говорит: спасибо, иди. Я вышел с пекарни, разломил пополам, затолкал за пазуху, второй кусок стал уминать, есть. Хлеб горячий, за пазухой жжет. Один кусок съел, вроде бы наелся. Нет, не терпится, взялся есть второй, хлеб горячий, его много не съешь. Мои сослуживцы [пошли] на конбазу за овсом, протолкались до обеда, вода не поднялась в реке. Нас отправили в лагерь; так мне пришлось отпраздновать пасху и 1 мая.

Время шло, весна 38-го года, лес стали вывозить из лесосеки на телегах (бричках). Наваливать на бричку стало труднее, появились навальщики леса на бричку. Подъедешь к ним, навалят воз большой, а кубатуры нет, одни вершины¹⁰. Я стал заниматься самонавалкой, подъезжаю к штабелю, наваливаю на бричку. А у навальщиков-грузчиков бывали и очереди. Бригада навальщиков люди были слабосильные, кто им даст закурить или докурить, они ему воз нагрузят вне очереди, а я был некурящий, угощать нечем было. У меня дело пошло, норма с перевыполнением 120–130%. До начальства дошло, что я занимаюсь самонавалкой. Мне стали засчитывать за самонавалку. Если возили лес до километра, норма вывозки была 10 кубов, навалить на бричку [можно было] 18 куб[ов]. Была построенная лежневая дорога, лошадь шла по грунту, колеса катились по дереву. Когда лесосека удалялась от плотбища, это было в моих интересах. Норма вывозки становилась меньше, навальщики бросали крупный неподсильный лес, я тогда не ехал в дальнюю лесосеку, а подбирал которые бревна были брошенные, если оно лежит между пней. Конечно, его трудно взять, я отпрягал лошадь, выкатывал лошадью бревно по покатам, выше пней – и оно у меня на бричке. Люди сделают одну ходку, а у меня две или три ходки. Вот одно бревно лежало недалеко от лежневой дороги, пролежало два лета,

¹⁰ Верхняя часть ствола.

кора с него снята, полусухое. Навалил его на бричку лошадью по накатам. Возчики едут на обед, бригадиры, десятники и рукраб¹¹. Я подозвал начальство и 2 пристяжных, они ко мне зашли, помогли выехать, особенно между пней. Выехал на лежневую, в нем в одном бревне оказалась дневная норма.

С конбазы иногда мог выехать один возчик Тимофей Гольцов. Его лошадь стояла первой в стойле, а моя 12-я. На маркировку с лесом я всегда первый. Находились такие ребята, тоже хотели заниматься самонавалкой. Поработает день-два, [и] отказывались от самонавалки. Возчики стали завидовать моим работам, стали упрекать – ты нагоняешь норму. Однажды мне надо было выехать на лежневую дорогу, возчик Орешко поставил мне на дорогу свою лошадь, а сам стоит, улыбается. А сзади идет обоз 12 лошадей, а он меня задерживает. Я его схватил, свалил, подержал немного на земле, отпустил, отогнал его лошадь, выехал на лежневку впереди обоза. Друзья его спрашивают, ударил ли я его ночью. Сказал, что нет, я не собирался его ударить.

Так я и работал; лошади стали болеть от перегрузки, в том числе и моя. Лошадей поставили на карантин, а нас возчиков – на повал леса на полуостров, где можно свалить лесину, раскряжевать ее и скатить в воду. Мне достался напарник Дружинин Николай, работали хорошо, оказались сообразительные. На нашей делянке оказалась сухостой-

¹¹ Руководитель работ.

ная кедр, мы ее до обеда срезали, раскряжевали, скатили в воду. В ней оказалось 14 кубов, по полторы нормы. Мы решили порыбачить, получить¹², изготовили козу¹³, [о]строгу¹⁴, запаслись смолем, все подготовили в лодку и поехали. Он у меня правит лодкой, я слежу за костром на козе. Приколол 2 щуки, вижу, большая щука стоит. Я спрашиваю его, что делать. Он мне отвечает: коли. Я ее кольнул, того не сообразил, что щука далеко от грунта стоит. Багор держал крепко, она лодку опрокинула, и мы в холодную сентябрьскую воду. Кое-как выбрались на берег, а посушиться негде, костер на берегу потух. Где стали, была отвесная стена (гора); мы по приезде заготовили каркас, сверху накрыли лапкой хвоей, такое было наше жилье.

Бригадир вез в лодке с лагеря продукты в эту темную ночь по реке Чети, тоже опрокинулся, утопил продукты, сам еле спасся. Я ночью перемерз, наутро себя плохо чувствую. Бригадир едет обратно за продуктами, он меня берет с собой. Пльвем вверх по Чети, я работал шестом. В лодке шли 12 километров, вроде бы хорошо дошли до Мысовского плотбища, а там еще три километра пешком.

Я вышел в гору, упал, потерял сознание. Он меня привел в сознание, сказал: ты тут жди, сиди или лежи, я пришлю за тобой лошадь. Я посидел

¹² Получить – от лучить (диалект.), ловить рыбу при зажженном огне.

¹³ Коза – особая жаровня для огня, устанавливается на носу лодки при лучении рыбы.

¹⁴ Острога – гарпун, разветвленный на конце.

немного и пошел в лагерь. Он мне попадает навстречу с лошадью. Я в лагерную санчасть, у них обед. Я подождал, обед у них кончился, я объяснился, что я с подкомандировки. Смерили температуру, она показала 41°. Тут же положили в стационар на койку, отдыхал. Наутро просыпаюсь, что-то тело чешется. Я позвонил служанку, она посмотрела на меня, побежала к врачу. Врач посмотрела и тут же меня изолировала ото всех, закрыли в одиночку. Заходил ко мне только врач, признали брюшной тиф, это просто от переохлаждения выступила на теле сыпь. Трое суток пролежал в одиночке, на теле сыпи не стало, температура нормальная. На 6-й день меня на работу, я чувствовал [себя] слабым после болезни.

Бригадир Левин Петр Васильевич меня поставил на ремонт дороги, чтобы возчикам лучше было вывозить лес – где-то вырубить, куст убрать, вершину. Проработал три смены, к вечеру приходит завгуж¹⁵ Ширкан, ему нужен возчик ездить в Тегульдет на базу, привозить фураж и продукты для лагеря. Проработал с 1 октября 1938 г. по 4 мая 1939 г.

Прихожу в зону, там готовятся в этап. Меня с лагеря не выпустили, тут же погнали в Тегульдет, ночью посадили в баржу, повезли вниз по Чулыму. Куда везут, нам неизвестно, в Асино с баржи высадили, пробыли трое суток. 7 мая 1939 г. нас в вагон, потом Томск, Тайга, Юрга и т. д. 3 августа

¹⁵ Заведующий гужевым транспортом.

Котлас Архангельской области, там на барже – река Вычегда, Айкино Коми ССР. 17 километров от Айкино, 5 колонна, наш участок 2 километра кюветы, насыпь¹⁶.

Я работал плотником, готовил тачки. Что-то приболел, куриная слепота; либком¹⁷ мне дал освобождение. Сижу на нарах, подходит неизвестный мне человек, агитирует – за что нас посадили, надо делать восстание. Я на него хорошо посмотрел, что он волк в овечьей шкуре. Потом оказалось, что он стрелок, охранник; он большой, плечистый, картавый, не выговаривает букву р. Мне его удалось встретить в 1950 г., но он мне не признался, [сказал,] что он там не был. Я не обознался, это он; сейчас он Иваненко, живет на улице Центральная, г. Берёзовский.

Закончили работу на 5-й колонне, нас перегоняют километров за 200 по направлению Воркуты, станция Ираэль. Там мы работали плотниками, обшивали водокачку, то есть напорную башню, рубили дома для путеобходчиков. Пришлось доделывать больницу: стлали полы, оконные плитуса, подгонка дверей, врезка замков.

Во время обеденного перерыва заходит к нам стрелок, спрашивает: кто Пономарев, собирайся на пересмотр дела. Дошли до лагеря к вечеру, он меня в зону, а сам в контору. Я там пробыл сутки,

¹⁶ Видимо, двухкилометровая насыпь с кюветами по бокам.

¹⁷ Очевидно, «лекпом» – лекарский помощник; так в лагере называли медицинский персонал – врачей, фельдшеров и т. п.

вызывают нас 17 человек, в вагон сажают, привозят на Вычегодский мост. 14 марта 1941 г. нас там приняли двоих, Пономарева [и] Илневского, молодого бытовика. Когда впустили в зону, определили в бригаду кузнецов. Когда я зашел в барак, объяснился, дневальный меня спрашивает: ч[то,] кушать хочешь, иди на кухню скажи, что приезжий. Я постучал в окно, повар открыл, наложил мне каши пшенной и говорит: мало будет, еще приходи. Он мне столько наложил каши, мне хватило под завязку такой каши, что я такой каши никогда не ел. Разгляделся, их тут кормят хорошо, да и монтажников нельзя не кормить. Дневальный мне говорит: вот эта бочка с квасом, наливай в кружку вот этим ковшом, из ковша не пей, освободим эту бочку, перейдем на вторую, хлеба сколько хочешь, на улице 2 бочки горбуши соленой рыбы без нормы. Я приехал с голодного края, а тут просто рай, умирать не надо.

У кузнецов кончился рабочий день, приходят все в барак, все люди самостоятельные, никакого шалмана. Подходит бригадир Булавин Николай Иванович, пытается, чей, откуда, статья и срок, кем работать будешь. Я ему объяснил, он мне дал наказ, как вести себя в ихнем обществе, мне это понравилось. Наутро 15 марта 1941 г. выходим на работу, меня встречает начальник мастерских Дубров Дмитрий Федорович: на сегодня для тебя работа, надо обрезать у рельсовых накладок фартуки. Вот тебе накладки, инструмент и подручный рабочий;

до меня работал парень, его отправили в кузницу молотобойщиком. Мне работа знакомая, подремонтировал инструменты, к вечеру обрезал фартуки у 200 накладок. Они ходят, присматриваются, удивляются, что наш парень. На утро 16 марта дают мне работу сварить газосваркой опорную часть сверлильного станка. Работа сложная, в одну горелку невозможно: чугун толщиной до 40 мм. Когда его демонтировали, оторвали один угол. Разложил под станком костер, разогрел, хорошо сварил. Начальству понравилось, доложили главному инженеру, что труженик попался знатный.

Вот однажды подходит ко мне главный инженер Якушевский Борис Владимирович, спрашивает, что, откуда, статья, срок. Я ему отрапортовал, что родом из Сибири, Кемерово, работал на электростанции газосварщиком в котельном цехе. Узнали в управлении про меня, тут же привозят от гидравлического экскаватора деталь, которая тоже в одну горелку неподильная. На костер ее, разогрел, на костре сварил, получилось хорошо. Получил от представителя этой детали 1000 устных благодарностей и все.

Стали привозить заключенных с юга, мы узнали, что идет война, бытовиков стали брать на фронт. Нам урезали паек, хлебушек стали делить на пайку.

Когда закончили монтаж Вычегодского моста, людей стали отправлять на Печорский мост на усмотрение бригадиров. Мой бригадир Булавин [поставил] меня первым в списке. Главный инже-

нер меня всегда вычеркивал в списке, не отправлял никуда, продолжалось это несколько раз. 1 ноября 1941 года нас остальных всех со всем оборудованием и с начальством отправляют в Котлас строить мост на Малой Северной Двине. Перед праздником мы приехали в Котлас, стали строить кузницу на 20 горнов. Строили мост временный на Малой Северной Двине, укладывали на льду брусья, намораживали лед, проложили рельсы, пропустили паровоз по обходной дороге. Пошли поезда с Котласа до Коноши и Вологды. Работал наш обходной ледяной мост до конца марта 1942 г. Одновременно строили основной мост; не было ферм металлических, готовили деревянные фермы Гау¹⁸, длина 33 метра. Оправленные бревна сушили в сушилках и строили временный мост, били сваи, наращивали их в три бревна. Река судоходная, от воды до проезжей части 18 м, должно быть. Работали в кессонах, копали котлованы для мостовых опор. В воде насыпали горку песчаную, ставили кессонный нож 18+12 м²¹⁹, делали опалубку из теса, заливали бетоном, получалось как бы на доме крыша. Ставили кессонную трубу очковую, сверху кессонный аппарат под давлением воздуха, воздух воду вытеснял, углублялись на 2 м, снимали верхнюю аппаратуру, наставляли вторую трубу, аппарат, воздух и т. д., шли до твердого грунта. Аппаратура таковая: когда

¹⁸ Мостовые фермы особой конструкции, изобретение американского инженера Уильяма Гау.

¹⁹ Видимо, 18 на 12 м².

надо зайти с первой камеры, выпускали воздух при помощи вентиля, открывали дверь, входили, закрывали вентиль, наполняли камеру воздухом, давление воздуха уравнивается, вторая дверь открывается свободно. Дошли до твердого грунта, начинают заливать бетоном. Залили, отставляют головную часть, выбрасывают двухочковую трубу, ставят головную часть и т. д. Когда выходят на поверхность воды, опалубка и бетон 18 м над уровнем воды. Одновременно готовим металлическую ферму 55[метровую] береговую.

Меня снимают с кессонов, ставят на резку металла. Нас было 10 тысяч заключенных, 8 тысяч немцев трудармейцев. Мне потребовался рабочий подручный, нашелся такой. Немец говорит, что может работать, он в совхозе с котла вырезал 8 лемехов для плуга. Разметчики были немцы, народ грамотный, в чертежах разбирались хорошо. Они размечают, я режу металл. Если я доверю своему подручному резак, работа замедлялась, с резкой не поспевали, я ему не стал доверять резак. На основных работах хлеба получали 900 г, на подсобных 700. Он, мой Давид, ушел сваи бить. Мне дали другого немца, Генриха Ивановича, с ним у нас пошло, дело он знал: зарядить аппарат, подтащить баллон с кислородом. Мы готовили детали, монтажники монтировали, монтаж производился рядом с эксплуатацион...²⁰ Когда все [было] готово,

²⁰ Не дописано.

ферму Гау стаскивали с опор, а металлическую бросали вниз, металлическую на место ставили²¹. До войны фермы изготавливались в Днепропетровске, в 42 г. у нас стали изготавливать. В Котласе изготовили стеллажи, оборудовали цеха, подобрали кадры. Разметчики размечают, резчики режут, монтажники комплектуют, клепальщики клепают. Резчиков работало 18, в три смены. Где разметчики ошибались в разметке, вина не разметчиков. Я был старшим резчиком, меня стали часто вызывать и ругать. Я поставил им такую задачу, чтобы разметка была такая: разметил какую-то деталь, ставь две черты через 4 мм и через 40 мм керн. Если резчик увильнет в сторону, перережет черту и керн, тогда обвиняйте нас. Разметчики стали повнимательней, ошибок не стало, резчики стали всегда правы.

К нам частые гости были с Москвы с гудыэса²², главный инженер Багин, заместитель его Богданов Сергей Ильич, часто ко мне присматривались. В Москве давно строился Дворец Советов, его решили разобрать, привезти в Котлас, переделать на мосты. Привозили колонны клепаные в виде двутавровой балки из листовой стали 16 мм. Конструкторы так подрассчитали: перерезать пополам²³, резать один раз получится две детали для опорного откоса 109-ки. Это значит, что ферма длиной 109 метров. Вопрос, кто будет резать. Якушевский

²¹ Не вполне понятное место.

²² Возможно, Управление строительством Дворца Советов.

²³ Видимо, из двутавровой балки сделать две тавровые.

говорит: резать будет Пономарев; а Багин говорит, что он малограмотный. Мой сменщик Василий Галкин, он работал в томском паровозоремонтном институте инструктором по электрогазосварке. Проверили наши личные дела, решили, что резать будет Галкин В. А. В это время я работал днем, он ночью. Мне сказали, чтоб де подготовил аппаратуру на стеллажи. Я: почто резать будет Василий? Зная о том, что у него практики нет, а на теории одной не проедешь. Их с зоны на завод привели, а нас в зону на отдых, Вася приступил к работе, Сергей Ильич тут как тут, это было с 13 на 14 марта 1942 года. Мороз был 14 градусов. Как я ему подготовил инструменты, на резак поставил четвертый номер наконечника, он берет в цехе инструменты, приворачивает редуктор к баллону, давление 12 атмосфер, режет. Провел резак 100 мм, редуктор застыл, давление кислорода прекратилось. Он начал отогревать горячей водой. Редуктор отогрелся; начинает резать, редуктор замерзает. Сквозь всю толщину не пробивает, а только завихривает. Промучились ночь, работы нет. Нас выводят с зоны на завод, их уводят в зону на отдых. А Сергей Ильич меня ждет, заколел за ночь, говорит мне: ты режь, я пойду позавтракаю.

Я ихнюю колонну не стал резать, перешел на вторую. Прочистил редуктор ото льда, сверху прорезал, кранами ее повернули – внутреннюю сторону прорезал, еще краны повернули. 2 крана работало, один кран грузоподъемностью 18, второй 12 тонн. Разрезал удачно. Перехожу ко второму резу, второй

рез, второй перерезал, перехожу на третий, режу. Не довел резак 150 мм, подходит Богданов, спрашивает, почему не крайнюю режешь. В это время мне нельзя отрываться ни на секунду. Он стоит, дожидает, дорезал, прикрыл газ и кислород в резаке, объясняю ему, что сделал 3 реза. Он поднялся на стеллажи, пошел по этим деталям. Станет, покачается – одна половина качается, вторая лежит спокойно. Он убедился, что перерезано. В это время, переходим на 4-ю, время к обеду. 14 марта 1942 г. режу, ходит какая-то женщина, ко мне присматривается с любопытством. Потом узнал, что она наша подшефная, жена начальника строящейся печорской дороги полковника Шемина.

В это время со всей дороги были собраны мастера и начальство, со временем никто не считался, работали на совесть, особенно эта 58 статья. 15 марта 1942, спал еще (по лагерю подъем прошел), приходит ко мне завхоз, приносит мне сапоги яловые 44 размер. Они мне малы, он меня стал уговаривать, что выходи в чунях, я их обменяю на большие в севдвиновских²⁴ складах. В 9 часов утра на работу приносит мне сапоги 46 размер. Я тут же свои чуни сбросил, одел сапоги. Завхоз мне объяснил, что это позаботилась наша подшефная Шемина.

Я жил в стахановской секции, нас там жило 12 человек, спали на койках в одиночку. Утром

²⁴ Северодвинских.

мне дневальный приносил пайку хлеба и баланду, на работу выходил до развода по пропуску, был расконвоирован, меня и еще несколько товарищей подали в Москву на досрочное освобождение. В апреле 42 года мне сбросили 2 года, несколько товарищей освободили. В конце апреля приехало московское начальство. Богданов подходит ко мне, спрашивает: Пономарев, освободился? Я ему отвечаю, что нет, 2 года сбросили. Меня и еще несколько человек по новой на досрочное в Москву.

В половине мая приезжает начальство с Кирова на дрезине утром раненько, еще не было развода. На работу я как бесконвойный выходил раньше, меня попросил кладовщик, чтобы я ему изготовил дверную металлическую накладку. Я стал приваривать к ней трубу, наставил горелку, стал приваривать резаком. Смотрю, передо мной стоит Сергей Ильич Богданов: ну как, Пономарев, освободился? Я ему отвечаю, что нет. В это время приходит начальник цеха и говорит ему, что он, Пономарев, попросил у Преображенского брезентовый костюм, а тот его вычеркнул со списка освобождения. Богданов: а ну, давайте его. Давидович Захар Абрамович позвонил по телефону, сообщил, что московское начальство приехало, Преображенский дороц²⁵ одевал штаны и одевался, прибежал в цех. Что у них было, не знаю, знаю одно, что Преображенского не стало на заводе. Через некоторое

²⁵ Непонятное слово.

время прислали Самодурова начальником завода. Меня в третий раз посылают на досрочное освобождение, и еще несколько человек освободили условно-досрочно.

С 5-го октября 1943 г. тут же на заводе работал газосварщиком, но жизнь была хоть и скучная, но вольная (шла война). Я подал заявление в военкомат г. Котласа, чтобы отправили на фронт. Мне тут же повестку дали на фронт. Я в контору за расчетом, узнал главный инженер Янушевский, вызвал меня к себе в кабинет, поговорил со мной по душам, что ты тут больше дашь стране пользы, чем на фронте. Согласовал с военкомом, отправили другого человека на фронт, работаю.

А немцы-трудоармейцы в цехе мастера и разметчики. Один из них был резчиком металла, работали с ним на одном инструменте одним резаком в разные смены. Мастера мою работу стали ему приписывать, чтобы он был передовым рабочим. Я поднял шум, они другой выход нашли: подтасовали работу, подобрали норму выработки, знали, какого металла сколько надо отрезать. Получили новый заказ на изготовление фермы. Герман меня вызывает на соревнование. Объявили рекордный день, я утром выхожу на работу, мне говорят, что Герман тебя сегодня вызывает на соревнование, начальник цеха Захар Абрамович Давидович подтверждает. Берусь за инструмент, ставлю редуктор на баллоне, в баллоне 40 атмосфер, переставляю на второй – 30 атмосфер, баллонов стояло в пира-

миде 8. Я еще один баллон проверил – 20 атмосфер. Я больше не стал проверять баллоны, пошел к Захару Абрамовичу, объяснил. Тот дает команду такелажникам сейчас же принести кислород. Кислородный завод был рядом, не дальше 50 метров от цеха. Приносят, прикручиваю редуктор, на манометре 150 атм., как должно и быть. До обеда резал листовую сталь, с обеда такелажники стали в цех подавать металл: швеллеры, уголки, двутавровые балки. Меня заело, за сердце задело, вот она подтасовка какая. Листовую сталь резал на улице, порезал все, что было размечено, перехожу в цех. Разметчики работают упорно, но керны не ставят, размечают и тут же швеллер подвигают вплотную, чтобы затратил время. Романов, бригадир такелажников, видит это дело, берет лом и раздвигает, чтобы прошел резак. К концу смены все отрезал, что было размечено, такелажники еще навозили листовую сталь, разметчики размечают листовую сталь. Я перешел на листовую сталь, режу без оглядки. Смотрю, подходит Герман, мой сменщик, у меня кончился рабочий день. Я иду к Давидовичу, попросил его, чтобы он работу проверил сам.

Наутро прихожу, разметчиков и мастеров еще не было на работе, а Давидович сидит, подсчитывает %. Подсчитал и сказал, что у меня 880%, а у Германа 300 с натяжкой, так что им не удалось мне сломать рога, хотя они долгое время готовились, подготовка ихняя оказалась ни к чему.

Мех. цеху нужно было нарезать для пресса квадраты 300 на 300 мм, толщина 200 мм. Заказ получили в смену Германа, он стал резать, у него ничего не получилось: стал замерзать редуктор. Он его грел горячей водой, чего делать нельзя, пришлось резать мне. Когда упал кран в выемку и закрыл перегон, Герман, он срезал за смену одну стрелу, мне пришлось разрезать весь кран. А 12-тонным краном вытаскивали с выемки разрезанный на части кран, перегон был закрыт на одни сутки, это было в конце ноября 1942 года, когда кран падал в выемку, а выемка была 8 метров, поломал много чугунных деталей в тех местах, где крепились к стальной раме. Нужно было сварить газосваркой, их мне предложили варить.

Я стал требовать брезентовый костюм, так как в ватном костюме работать невозможно, он постоянно загорался и тлела вата, а когда варишь крупные детали до полутонны, да большой горелкой, тут уж тушить костюм на себе нет времени. Продолжалось это несколько дней, приходит на разрядку начальник завода Самодуров, говорит, что Пономарев сегодня будет варить кран. Я ему говорю: когда будет спецовка, тогда буду варить кран. Он мне: ну и не вари. Я ему в ответ: ну и не буду; в этот же день во время обеденного перерыва вызывают меня в пошивочную мастерскую на примерку, да такой костюм сготовили со старой истлевшей палатки, что всем на удивление. Можно

было этот костюм одевать на ватный костюм, даже на бушлат. Когда выходил с завода в столовую покушать, люди попадали навстречу, смотрели на меня как на великана, удивлялись моим костюмом. Начал сваривать чугунные детали, вначале разогрею на костре до нужной температуры, потом варю; провозился одну неделю, пока сваривал эти детали, у меня этот богатырский костюм развалился, стал никуда не годный.

Так я работал в ватном костюме, всегда обгоревший; в клуб не ходил, не хотел позориться. 14 декабря 1944 г. ко мне подходит главный инженер Щекин, говорит: Пономарев, ты должен поехать на Украину, сопровождать вот этот катер. Катер был погружен на железнодорожную платформу, а капитан катера где-то затерялся; [говорит:] будешь сопровождать ты на место. Оформили документы, я расположился в кубрике, жду когда будут вывозить с завода мой вагон. Щекин стучит по вагону, я вылез с кубрика, он мне объясняет, что вот эта женщина должна с тобой ехать до места вашего назначения, у нее 2-е детей, уже муж там работает энергетиком.

Вывозят наш вагон на станцию Котлас, потом на формировочную станцию Котлас, узел. Пока формировали состав, капитан катера тут как тут, стучит, влазит на вагон и в катер, умоляет, чтобы его взяли, а места в рубке только на 2 человека. Но он как хозяин этого катера выход нашел: на ночь убрали лестницу с кубрика, он нашел 2 доски

в машинном отделении и ночевал на этих досточках всю дорогу.

Когда выехали за Москву, днем я в кубрике не находился, смотрел на разрушенное войной; где была деревня, там стояли одни трубы русских печей. Все постройки были сожжены, и станции железнодорожные разрушены. 29 декабря 1944 г. приехали на станцию Лепляво, капитан нас оставил, мы доехали до моста, который был разрушенный немцами. Люди там жили в пассажирских вагонах, контора тут же была в вагоне. Шура спустилась с катера и вагона, пошла искать своего мужа Стасика Хадшипедова. Не могла найти, а он подружил с секретарем-машинисткой, ушли в город Канев, у нее там была квартира. Она все разведала, залазит ко мне на катер, плачет и говорит, что сейчас брошусь с катера и разобьюсь, пусть знает. Мне пришлось много затратить времени, чтобы ее уговорить, чтобы она этого не сделала. Наутро приходит ее Стасик, и помирились они. Она баба настойчивая, могла это сделать, мне бы пришлось отвечать за нее.

Наутро я пошел в деревню Лепляво, мне там была подготовлена квартира товарищем Дмитриевым, который от нас с Котласа был туда направленный раньше, в июне 1944 года. Когда я прибыл на демонтаж моста, у них уже была построена котельная с установкой котлов и электрогенераторов. Шел демонтаж на правом берегу на сухом месте. 22 фермы были сбиты с опор, мне было задание

отрезать яблоко²⁶ у рельсы для клиньев, срубки заклепок. Резал ночью, смотрю, что-то движется по дороге. Дорога была, где я резал, метров 8 от меня. Прикрываю в резачке кислород, горит один ацетилен, газ, ночью очень яркий свет. Разгляделся – шла женщина босая, голова ничем не накрыта, пальто расстегнуто. Закончил работу, выхожу на берег, говорю товарищам, что видел чудо какое-то. Они не поверили, а наутро пошли стрелки, проверили, что, действительно, след босого человека доидет²⁷ до половины реки Днепра. Свернула вниз по течению. По следу никто не пошел, не было надобности, надо мной не стали смеяться.

Изготовили узкоколейную дорогу через Днепр по льду: настилали прутьями кустарник, намораживали лед при помощи насосов, с правого берега на вагонетке перевозили металл. На левом берегу краном вытаскивали, погружали в вагоны, отправляли в Котлас на переработку ферм. Который металл был изогнутый, его правили, которые искалеченные, заменяли другим. Что можно было взять на суше, брали; а как же в воде? Днепр-то широкий и глубокий. Нам прислали 11 военных водолазов, 2 водолазные станции. Нас стали обучать водолазному делу, набрали 11 человек заключенных и трое нас вольнонаемных, подбирали сварщиков. Я болел радикулитом, меня врач Арбу-

²⁶ Так иногда называют головку рельса – верхнюю его часть, непосредственно принимающую давление колес.

²⁷ Видимо, доходит.

зов не допустил работать водолазом, а Янушевский настоял, что нам без Пономарева не обойтись, потому что он работает на газосварке и дуговой сварке. Арбузов, врач, согласился с Янушевским, меня допустили до водолазной работы.

С 1 марта 1945 г. нам преподали теорию, а с первого апреля 1945 г. практику. Стали отпускаться под воду, конечно, не сразу получалось, но малость попривыкли. Стали заниматься подводной резкой металла. Но у нас была маломощная электростанция, работать было трудно, резали тонкий металл, где потолще, рвали толлом. На опорный раскос нужно было изготовить такой заряд в виде буквы С, спалок²⁸ прикрепить к нему 74 куска тола. Тогда тол порезал опорный раскос, конечно, с кудрями. Доставали металл до двух метров в песке²⁹, куски от фермы лежали поперек реки; река Днепр быстрая – там, где лежали фермы, течение сокращалось, песок и ил оседали на дно, получилось металл под слоем песка. На воде стояла баржа, а на ней стояла насосная установка, через шланг подавала воду, водолаз размывал, где нужно резать, или рвал толлом. Когда достали с-под воды металл, протралили фарватер, чтобы пароход не наскочил на металл и не сделал пробоину.

²⁸ Возможны два варианта толкования слова «спалок». Первое: автор имел в виду – «из палок» изготавливается конструкция в виде буквы С, к которой прикрепляется тол. Второе: к изготовленной раме в виде С прикрепляется взрывчатка – то, что горит, «палится», то есть тол.

²⁹ То есть металл лежал под двухметровым слоем песка.

На реке работы закончились, меня направляют в Котлас 14 октября 1945 г. сопровождать вагон с оборудованием. В Котлас прибыл 3 ноября 1945 г. в тот же цех, где работал раньше по изготовлению ферм железнодорожных на мосты через реки и речушки. Построили переходной мост на станции Котлас, чтобы люди не лазали под вагоны, а ходили по мосту.

С квартирой устроился у одной старушки, у которой жил до поездки в Канев. К празднику нам выделили пол-литра спирта и бутылку вина на человека. Мои товарищи на праздник разошлись по подружкам, я остался один, выпить не с кем. Моя хозяйка мне говорит, что, Игнатъевич, пойдём-ка со мной в сваты, есть солдатка, у ней похоронка от мужа, она одна живет, у нее свой дом, огород, что ты тут голодаешь один. Приходим к ней, поздоровались, она говорит, что я тебе мужа привела. Невеста сразу же накрыла стол, я выставил бутылку настойки, разлили на три стопки, слышим в дверь кто-то стучит. Хозяйка пошла, впустила в квартиру, входит старушка с сыном, он в военной форме, только что демобилизовался, садятся за стол по приглашению хозяйки. Начинаем выпивать и ворковать как голуби. Эта пара тоже пришли в сваты, я думаю – вот это подтасовали старухи, хотят за мой счет проехать. Хозяйка дома вышла на кухню, я за ней, говорю: ну как? Она отвечает: оставайся. Я иду в комнату, сажусь за стол, говорю, что все в порядке, можете быть свободными, выпить нечего.

Жизнь пошла по-иному, в столовую не стал ходить. Еще существовала карточная система; бывало, придешь в столовую, буфетчица в карточке вырежет талон, в карточке сделает пометку, что я ей остался должен. Продолжалось это несколько раз, у меня лопнуло терпение, высказал ей за все. Сидели люди за столами и говорили: вот какой он мелочный, за 85 копеек спорит, обижает Еву (она еврейка).

Пришла на склад новая режущая машина (трактор), мне ее дали испытать как ведущему резчику металла. Настроился, приспособился, стал резать. Металл был размечен, уложил уголок вдоль реза, поджигаю ацетилен с кислородом. Нагрелся металл, даю струю кислорода, включаю двигатель, трактор пошел. Резал нисколько не лучше, чем вручную резали, потерял время 6 часов, отрезал 8 погонных м. В это время я мог такого металла отрезать около 100 м вручную. Смотрю, идут мимо меня 3 начальника: начальник цеха Давидович, партком и завком. Прошли метров 10 от меня, остановились, постояли немножко, вернулись ко мне, говорят: Пономарев, поедешь на курорт на Черное море (а кто бы отказался). Даю согласие, тут же вручают мне путевку. Я бросаю (оставляю) эту аппаратуру, поехал на курорт. Поездом доезжаю до Одессы, видел все разрушенное. От Одессы 40 километров поездом, потом через лиман катером, еще 40 километров автобусом, курорт Лебедька на берегу Черного моря. Приняли меня

хорошо, лечение принимал, радоновые ванны, грязь и загорал в песке. Купался несколько раз в море, видел медузу, камбалу. Поймать руками не удалось камбалу, а медуза, говорили, что она ядовитая, опасная. Подружились мы со старичком с Краснодарского края. Он говорил, что он работает главным механиком в показательном совхозе. Он мне предлагал поехать к ним работать газосварщиком. Когда узнал, что я отбывал срок по 58-й, у нас с ним дружба кончилась, он со мной перестал здороваться.

Приехал с курорта 4 сентября 1946 года, работал в том же цехе газорезчиком металла. У меня стали частые командировки туда, где монтировался мост. Зимой 1946 и 1947 было 6 объектов. Деревянные мосты убирали, смонтированную ферму на его место натаскивали. Завод был не совершенствованный, люди малоквалифицированные на заводе. Где не надо клепать заклепки, они заклепывают, а когда начнут монтаж, там заклепки мешают. Вот и приходилось ездить от одного моста до другого. А бывало и так, что едешь на поезде, на станции меня встречают, что поезжай на другой мост. Везти с собой надо инструмент, бачок, шланги и резак; была-то карточная система – [приходилось брать] продукты и постель. Селектор был для нас с 11 вечера до 6 утра каждого дня. Что участку требуется, звонят на завод, а там дают команду, что и как. Расстояние от Котласа до Печоры 728 км, а от Печоры до Воркуты 461 км.

14 августа 1947 года приезжаю на реку Косью, мост был в эксплуатации, но сильно вибрировал, слабый был. Решено было начальством заменить раскосы на уголки: вместо 120x120, 200 на 200 миллиметров. Работа моя была срезать заклепки: работаю, срежу у одного раскоса заклепки – поставят второй, просверлят отверстия – заклепают. Переходим на второй раскос: пока снимают уголки, ставят, сверлят, клепают, у меня свободное время.

Я занимался рыбалкой, удил рыбешку, а во второй половине августа пошла рыба семга вверх по течению метать икру. Вода в этой реке светлая, прозрачная, реки текут с Уральских хребтов. В солнечный день от моста тень на воде, рыба доходит до тени, останавливается, стоит до заката солнца. Когда нет тени на воде, рыба идет дальше. Я однажды насчитал 186 рыбин, были до двух метров длиной.

Работали, пока изготовили все заказы и поставили все фермы на свое место по Печерской железной дороге – расстояние 1189 км. И до Коноши 400 км, тоже все мосты наши были – дорога с Котласа, Коноши, Вологды.

Начальство со всем оборудованием и рабочими отправились на Игарку, я не поехал, уволился, перешел 7 июня 1948 г. на лесоперевалочный комбинат на погрузку леса в вагоны. С реки доставали приплавленный лес, элеватором доставляли на эстакаду, с эстакады грузили в вагоны. Вот однажды не было вагонов. Нужно было раска-

тать, убрать толстомер от эстакады. Я прорубил ногу – затесывал покот³⁰. Пробыл 41 день, после болезни меня плотником назначили строить здание под пилораму. Когда закончились работы плотника, меня в инструменталку – править пилы и заготавливать станки³¹ для лучковых пил. В марте приезжает ко мне с Кемерово жена. Уговорила; я дал согласие поехать в родную семью. Уволился с первого апреля 1950 г., приезжаем в Кемерово, а в Кемерово прописки для меня нет, город режимный. Мне посоветовали в Берёзовский район, село Кургановка, теперь г. Берёзовский.

Строилась шахта Берёзовская, обратился в отдел кадров. Начальник отдела кадров был Белотелов, бывший прокурор Берёзовского района. Посмотрел мои документы, положил на окно, сам пошел в лес с подружкой. Ждал я его до вечера, не дождался. На второй день пошел работу искать, зашел к Белотелову, он мне отказал, что нам такие не нужны. Я поскучал, пошел в дорстрой, там меня приняли на разные работы плотником, оформился 4 мая 1950 г.

В июне получили сварочный аппарат, я стал работать сварщиком. Работал так, чтоб угодить всем: варил и плотничал, стеклил, не отказывался ни от какой работы, столярничал и маляром был, красил автомашины. Меня поняли как работягу,

³⁰ То же, что покот: бревно или доска, обычно наклонно положенные, для перекачивания тяжелых, громоздких предметов.

³¹ Станок – деревянная основа для натяжки полотна пилы.

посылали куда угодно; поняли, что Пономарева куда ни пошли, работа будет сделана.

Управление было в Анжерке, начальник гаража был Каверин Яков Михайлович, он меня посылает в Анжерку поездом привезти тракторный пускатель, он весом 100 килограммов. Приезжаю в управление, объясняю. Начальник управления Исаев покачал головой, сказал: езжай домой, я приеду разберусь. Я вернулся ни с чем, Каверин мой обиделся.

В 1950 году шла реконструкция шахты Ягуновская, там было свободное оборудование шахтостроя. Нас 5-х на тракторе послал Каверин за оборудованием. На тракторе можно ехать 3 человека, нас до Кемерово [отправили] поездом. Я и Бурмистров Митя поехали поездом, доехали до Кемерово пассажирским поездом. Мой партнер вернулся, я пошел искать Ягуновку и тот бывший шахтострой. Нашел по следу: у [нашего] трактора на гусенице не было 2-х башмаков. Нашел в поселке трактор около столовой, а друзья мои в столовой обедают и выпивают, набрались хорошо. Поехали к шахте, где нужно было брать оборудование. Нашли – сторож не давал. Тракторист Птицин сторожа за грудки, сторож тоже. Я смотрю, дело плохо, стал растаскивать их, оттащил я одного от другого, сторож убежал к начальству. Мы зацепили одну емкость, бак, погрузили еще, что нам было положено, поехали. На пути-дороженьке сбили 2 столба электропередачи, провода повисли до земли, а мы